

На правах рукописи

Касаткина Александра Константиновна

Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода
(на материале интервью об освоении садовых участков в 1980-е — 1990-е гг.)

Специальность 07.00.07. – Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2019

Диссертация выполнена в Отделе европейстики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель:	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук Байбурин Альберт Кашфуллович
Официальные оппоненты:	Доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН Соколовский Сергей Валерьевич Кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Туторский Андрей Владимирович
Ведущая организация:	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Защита состоится 19 декабря 2019 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан

2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Кандидат исторических наук

М. Е. Резван

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Перемещаясь из деревни в урбанизированную среду города или поселка, современный социальный антрополог или этнограф стремится получить доступ к повседневности, которая проходит за закрытыми дверьми, в невидимых электронных сетях или в потоках перемещений мигрантов, и метод интервью в его исследовании обретает все больший вес по сравнению с включенным наблюдением. Однако в антропологии этот метод воспринимается с долей скептицизма и остается уязвим для критики: считается, что интервью не дают полноценного участия в изучаемой реальности, обеспечивают лишь точечные контакты с полем, реализуются в искусственных ситуациях взаимодействия¹. Отечественная этнография, которая сформировалась в тесном соседстве с фольклористикой и сфокусирована на фиксации уходящей традиционной культуры, более терпима к «опросам» в поле². Но и здесь постепенный переход к этнографическому осмыслению современности требует пересмотра техник сбора и анализа полевых интервью, которые были созданы для записи монологов об ушедших традициях и по-прежнему ориентируются, прежде всего, на работу с информацией о прошлом, зафиксированной в тексте, а не с самим взаимодействием в интервью как с культурно обусловленной ситуацией.

Автор данного диссертационного исследования полагает, что метод интервью способен обеспечить глубокое погружение в поле и может быть переосмыслен в этнографической перспективе как форма включенного наблюдения. Для этого необходимо по-новому посмотреть на интервью – увидеть в нем коммуникативные действия, форма и содержание которых обусловлены не только конкретной ситуацией взаимодействия, но и коммуникативными правилами, компетенциями, контекстами, жанрами, характерными для сообщества и культуры в целом. В данном исследовании реализовано, во-первых, теоретическое обоснование и разработка этнографического подхода к интервью, во-вторых, его практическое использование для изучения *дачных разговоров*.

¹ Hockey J. Interviews as Ethnography? Disembodied Social Interaction in Britain

// British Subjects: An Anthropology of Britain / ed. Rapport N. Oxford: Berg, 2002. P. 209–222; Pink S. Doing Sensory Ethnography. London: Sage, 2009. 168 p.; The Interview. An Ethnographic Approach / ed. Skinner J. London; New York: Berg, 2012. 271 p.

² Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство Московского университета, 1966. 105 с.; Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45-68.

Современная российская дача, принадлежащая горожанину, который постоянно мигрирует между своим участком и городом, – это урбанизированное мультилокальное поле. Дачная жизнь разворачивается на многочисленных городских, загородных, транзитных и виртуальных площадках; антропологу, изучающему дачи, чрезвычайно сложно охватить их все. Для наблюдения частного пространства информантов ему доступно только ограниченное время пребывания в гостях, и лучший предлог для визита – интервью. Поэтому неудивительно, что существующие этнографические исследования дач основаны преимущественно на *дачных разговорах* – интервью и неформальных беседах с дачниками. Но сами дачные разговоры остаются в некотором роде невидимыми для исследователей – их специфика как культурной практики не становится предметом специальной рефлексии, а особенности коммуникативной организации не рассматриваются. Единственное антропологическое исследование, посвященное устройству и содержанию русских разговоров как культурной практики – это книга Н. Рис «Русские разговоры»³. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Рис повествует главным образом о монологах, а разговор как серия обменов репликами в ситуации взаимодействия и его культурные логики не изучаются. Между тем, как убежден автор настоящей работы, методологически продуманное этнографическое изучение разговоров дает доступ не только к рутинным и ускользающим от рефлексии практикам, но и к культурным правилам, реализуемым в речевом поведении, что, в свою очередь, позволяет соотнести случаи единичных социальных взаимодействий и культуру.

Объект исследования – аудиозаписи и расшифровки исследовательских интервью, проведенных и записанных автором с владельцами садовых участков в Ленинградской области. Интервью посвящены их опыту освоения участка начиная с 1980-х – 1990-х гг. **Предмет** – дискурсивное устройство разговоров с дачниками на дачные темы (*дачных разговоров*), т.е. тематика, речевые жанры, речевые действия, занимаемые позиции, приоритеты и коммуникативные стратегии, изучаемые с учетом их культурной обусловленности.

Цель исследования – изучить культурное и коммуникативное своеобразие современных российских дачных разговоров.

Задачи работы:

³ Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 366 с.

1. Охарактеризовать исследовательское интервью как разновидность разговора.
2. Адаптировать аналитические модели и методы, выработанные для анализа речи и разговоров в этнографии речи, конверсационном анализе и прагматике дискурса, для этнографического изучения расшифровок и аудиозаписей исследовательского интервью.
3. На основе архивных документов, художественной и специализированной литературы, публикаций в СМИ и воспоминаний выявить и описать историко-культурный контекст изучаемых дачных разговоров.
4. Описать устройство дачных разговоров из корпуса, собранного автором. Выявить тематику, речевые жанры, речевые действия, занимаемые позиции, приоритеты, коммуникативные стратегии собеседников, использованные в ходе интервью.
5. Охарактеризовать дачные разговоры в их связи с широким историко-культурным контекстом.

Степень разработанности темы

В антропологии есть несколько направлений, которые интересуются разговором: этнография речи, культурные исследования коммуникативного взаимодействия, исследования нарратива, постмодернистская этнография 1980-х гг.

Программу этнографии речи предложил американский антрополог Д. Хаймс⁴. Новая область была призвана изучать проблематику, которая до тех пор ускользала от внимания и антропологов, и лингвистов – коммуникацию в социальном и культурном контексте. Извлечение культурных смыслов из детального анализа взаимодействия в разговоре провозглашалось задачей культурных исследований коммуникативного взаимодействия⁵. Это адаптация к задачам социальной антропологии метода анализа коммуникативного взаимодействия (conversation analysis), который был разработан последователями Г. Гарфинкеля, для наблюдения работы социальных правил на материале естественно протекающих взаимодействий⁶. Специалист по этнографии Таиланда М. Мурман объявил «анализ коммуникативного взаимодействия с учетом культурного контекста» альтернативой абстракциям структурализма и полноценной

⁴ Hymes D. Introduction: Toward Ethnographies of Communication // American Anthropologist. 1964. Vol. 66. № 6. P. 1–34.

⁵ Moerman M. Talking Culture: Ethnography and Conversation Analysis. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. 234 p.

⁶ Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4. P. 696–735.

реализацией программы интерпретативной антропологии К. Гирца. Он полагал, что работа с конкретными эпизодами коммуникации позволяет не только увидеть, но и убедительно продемонстрировать, как культурные коды и символы работают в повседневных взаимодействиях⁷.

В 1990-е разговором начинают интересоваться исследователи нарратива, который традиционно изучался как монологическое повествование. Э. Окс и Л. Кэппс выделяют два вида нарративных практик, из которых к разговору ближе так называемая «практика 2»: она диалогична, неразрывно связана с течением разговора, предлагает тезисы, открытые для изменений. Ее задача – предложить опыт для обсуждения, опробовать разные способы его упорядочивания и осмысления, помочь познанию и изменению себя⁸. Свой подход к изучению интерактивности нарратива предлагают исследовательницы дискурса А. Георгакопулу и А. де Фина, отталкиваясь от методических наработок и концептуальных аппаратов анализа коммуникативного взаимодействия, прагматики дискурса и лингвистической антропологии⁹.

Американская постмодернистская этнография 1980-х гг. обратилась к разговору и теории полифонического романа Бахтина в поисках выхода из кризиса репрезентации, который представители этой парадигмы констатировали в социальной антропологии эпохи деколонизации. Дж. Клиффорд считал признаками новой этнографии, отвечающей современным условиям, чуткость к интерсубъективности, многоголосью и контекстуальной обусловленности этнографического знания, способность принимать во внимание и выводить на поверхность разные перспективы. Полифонический этнографический текст можно создать либо вставляя большие цитаты из полевых разговоров, либо представив само исследование как разговор¹⁰. Для постмодернистских этнографов, впрочем, разговор – это только пример ситуации, где можно уловить множественность контекстов, дискурсов и перспектив, с которыми антрополог сталкивается в поле, а цитирование разговора – одна из возможных форм репрезентации этой множественности. Устройство разговора и действия, совершаемые его участниками при помощи слов, исследователей этого направления не интересуют.

⁷ Moerman M. Talking Culture... P. 79, 87, 100.

⁸ Ochs E. Narrative Lessons // A Companion to Linguistic Anthropology / ed. Duranti A. Oxford: Blackwell Publishers, 2004. P. 269-289.

⁹ De Fina A., Georgakopoulou A. Analysing narratives as practices // Qualitative Research. 2008. Vol. 8. № 3. P. 379.

¹⁰ Clifford J. On Ethnographic Authority // Representations. 1983. № 2. P. 118–146.

Пионерской в исследовании интервью как особой разновидности профессионального исследовательского разговора можно считать книгу Ч. Бриггса «Learning how to ask. A sociolinguistic appraisal of the role of the interview in social science research»¹¹, написанную в русле этнографии речи и посвященную влиянию речевой ситуации интервью на его содержание. Опираясь на свой полевой опыт среди испаноговорящих жителей штата Нью-Мексико, Бриггс показывает, что интервью нужно интерпретировать не только как свидетельское описание реальности, но и как речевое событие, тесно связанное с локальным контекстом – заданными вопросами, развитием отношений между участниками и др. Нужно принимать во внимание также общекультурный контекст интервью, включая коммуникативные компетенции его участников и доступные им репертуары метакоммуникативных практик.

Обзор социолингвистики М. Ковен – первый после Бриггса антропологический текст, специально посвященный особенностям интервью как речевого события¹². Из антропологической перспективы, во многом повторяя Бриггса, Ковен формулирует вопросы к исследовательскому интервьюированию в современном обществе, где интервью стало общеизвестной практикой: 1) как участники взаимодействия создают и поддерживают речевой жанр интервью? 2) как интервью сосуществуют с другими речевыми жанрами? 3) какие лингвистические идеологии стоят за пониманием интервью, характерным и для исследователей, и для их собеседников? 4) как интервью соотносятся с контекстами их производства и дальнейшей циркуляции?¹³

Полевые исследования дачной культуры начались в 1990-е гг. и в значительной степени опирались на интервью и другие жанры разговоров с дачниками, но дачные разговоры сами по себе не были объектом специального внимания исследователей. Существующие работы позволяют проследить динамику формы и содержания дачных разговоров за последние три десятка лет и продемонстрировать, как в социальных исследованиях используются полевые разговоры.

Российские и иностранные исследователи дач интересовались мотивами дачного труда в 1990-е¹⁴, искали в документах и воспоминаниях о неэлитных дачах Подмосквья

¹¹ Briggs C.L. Learning how to ask. A sociolinguistic appraisal of the role of the interview in social science research. New York: Cambridge University Press, 1986. 155 p.

¹² Koven M. Interviewing: Practice, Ideology, Genre, and Intertextuality // Annual Review of Anthropology. 2014. Vol. 43. P. 499–520.

¹³ Ibid., 503-512.

¹⁴ Чеховских И.А. Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче: дис. ...канд. эк. наук: 22.00.03. Санкт-Петербург, 2000. 125 с.

эпохи позднего социализма доступ к жизненному миру обычного советского человека¹⁵, отслеживали общие места, характерные образы и культурные процессы, связанные с дачами, за три века их существования¹⁶, анализировали дебаты о дачном труде среди дачников Калужской области начала 2000-х¹⁷, создавали этнографию неэлитной дачи середины 2000-х и, шире, отношений российских горожан с природой¹⁸. Все они, наряду с фрагментарным включенным наблюдением, пользовались методом полуструктурированного интервью и, кроме того, отмечали насыщенное дискурсивное измерение дачи: люди охотно говорят о своих участках не только в ситуации интервью, но и с соседями, незнакомцами в транспорте и т.п. На этом основании С. Ловелл трактует садовые участки как один из самых сильных факторов социальной интеграции в постсоветской России¹⁹. Н. Гальц обращает внимание на действия, которые дачники совершают при помощи слов и значимые умолчания, а также описывает, как обмен садоводческим практическим знанием во время экскурсий по участку или дискуссий о садоводстве в других контекстах мобилизует сети общения от соседей до коллег по работе и выплескивается на страницы журнала «Приусадебное хозяйство»²⁰. М. Колдуэлл вставляет в свой этнографический текст большие цитаты из разговоров, так что читатель погружается в создаваемую ею действительность. Она же обращает внимание на устойчивые дискурсивные практики дачников, которые рассматривает как примеры ритуализованной коммуникации: экскурсия по участку, ритуализованное соревнование историй о тяготах пути на дачу т.д.²¹. Д. Зависка показывает, как в разговорах между членами семьи или гостями за обеденным столом сталкиваются и разворачиваются разные позиции по отношению к дачному труду²². Однако никто из перечисленных авторов не анализирует конкретные ситуации разговоров и случаи функционирования категорий или работы речевых приемов, зачастую предоставляя цитатам говорить самим за себя.

¹⁵ Galtz N.R. *Space and the everyday: An historical sociology of the Moscow dacha*: PhD diss. The University of Michigan, 2000. 400 p.

¹⁶ Lovell S. *Summerfolk: A history of the dacha, 1710-2000*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. 260 p.

¹⁷ Zavisca J. *Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians* // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 786–810.

¹⁸ Caldwell M. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011. 200 p.

¹⁹ Lovell S. *Summerfolk...*

²⁰ Galtz N.R. *Space and the everyday...*, 64, 320, 334.

²¹ *Ibid.*, 24, 52.

²² Zavisca J. *Contesting Capitalism...*

Эмпирическая база исследования

Сбор полевого материала для диссертации проходил между 2007 и 2011 гг. 17 из 20 интервью записаны в первые два года работы. Информантами стали 23 человека, 9 мужчин и 14 женщин, 13 – инженеры, остальные – экономисты, преподаватели, торговые работники, люди со средним техническим образованием. Все родились между 1930 и 1950 гг. (кроме дочери одной из информанток 1977 г.р.). Все получили садовые участки в Ленинградской области и приступили к их освоению в 1980-е или начале 1990-х гг. Продолжительность интервью от одного часа с небольшим до почти четырех часов. Интервью проходили либо в городской квартире информанта, либо на садовом участке. Реакция на мою просьбу об интервью была совсем другой, чем у М. Колдуэлл: многие удивлялись, особенно когда узнавали, что у меня тоже есть садовый участок. Людям казалось, что они не смогут рассказать мне ничего нового. Дача кажется само собой разумеющейся, очевидной частью нашей культуры, о которой мы готовы много говорить, но полагаем, что за пределами повседневных дачных разговоров это может быть интересно разве что иностранцу.

Также я взяла несколько экспертных интервью у председателей садовых товариществ и сотрудников Земельной палаты одного из районов Ленинградской области и Управления по развитию садоводства и огородничества Правительства Санкт-Петербурга. Я спрашивала о постсоветских трансформациях садовых товариществ, их современном административном статусе, положении дел с приватизацией участков, о ситуации внутри товариществ и деятельности органов самоуправления.

Для ответа на главный вопрос своего исследования из двух десятков интервью с садоводами я выбрала базовый корпус из шести интервью, поскольку необходим глубокий тщательный анализ каждого разговора, выявление внутренней динамики речевых событий и сохранение целостности каждой отдельной встречи. Чтобы поддержать у читателя ощущение целостности описываемых встреч и персонажей, в работе иногда для разных задач используются одни и те же цитаты из шести базовых транскриптов. Остальные беседы используются в исследовании как источники для реконструкции контекстов и для сравнения. Поскольку в центре исследования – диалог информанта и исследователя, базовые интервью отобраны так, чтобы были представлены разные степени знакомства со мной и сохранялся гендерный баланс: два интервью с людьми, которые так или иначе лично меня знали (Р.Ф. – наша соседка по улице в садоводстве и знает меня с детства, М.Г. – помощник моей мамы в правлении СНТ) и четыре интервью с родителями моих соучеников в ЕУСПб и друзей, с которыми я не была знакома прежде (Т.А., Л.А., Ю.А., А.В.). Среди отобранных информантов три женщины (Т.А., Л.А., Р.Ф.) и трое мужчин

(М.Г., Ю.А., А.В.). Двое – эксперты по отдельным аспектам садоводческой жизни: М.Г. был куратором своего садоводства в 1982 г. от профкома крупного строительного предприятия (Главзапстрой) и много лет состоял в правлении, Т.А. на момент интервью уже несколько лет была председателем своего товарищества, а до того – членом правления. С А.В. и Р.Ф. мы разговаривали у них на участках, и интервью дополнилось экскурсией по участку и по дому. С остальными – в их городских квартирах. Интервью с Л.А. проходило при участии ее дочери и в присутствии ещё одной гостьи. Пятеро разрабатывали свои участки в сложное время середины 1980-х – начала 1990-х. (М.Г. начал раньше, в 1982, и был в привилегированной ситуации и по ряду других причин). Если для М.Г., Л.А. и Р.Ф. дачи – это семейные проекты, где усилия поделены между супругами, то остальные трое рассказывают мужские (А.В. и Ю.А.) и женскую (Т.А.) истории одинокого освоения участка.

Собирая материал, я ограничилась только садовыми участками в садоводческих некоммерческих товариществах (СНТ) – позднесоветской неэлитной разновидностью дачи. Садовые участки начали раздавать в послевоенное время рабочим и служащим в городах и поселках для решения проблемы продовольственного снабжения советских городов, и это определило отличия этого типа дачи от дач советской номенклатурной или творческой элиты и от превратившихся в дачи деревенских домов.

Для сбора материала использовался метод *полуструктурированного интервью*, который стремится к компромиссу между выполнением исследовательских задач интервьюера и сохранением естественной экологии беседы. Интервьюер задает открытые вопросы, поддерживая нужный ему фокус, но старается следовать течению беседы и «имитировать роль равноправного собеседника»²³.

Исследование речевых действий потребовало очень детальной расшифровки аудиозаписей собранных интервью. В то же время, ключ к решению поставленных задач, наблюдению речевых действий во время интервью и их культурной контекстуализации, – это совмещение внимания к деталям процесса и контекста говорения и к содержанию, к тому, о чем говорят. Поэтому я отказалась от специализированных систем условных знаков, разработанных для фиксации мелких деталей устной речи в диалектологии или в разговорном анализе: обилие нотационных знаков затрудняет чтение и понимание.

²³ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: учебное пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М.: Добросвет, 1998. 289 с.

Вместо них я использовала минимальный набор условных обозначений, разработанный для расшифровок интервью в серии «Обнинских проектов»²⁴.

Кроме интервью, я опираюсь на материалы своих полевых дневников (ПД), которые вела по итогам интервью и наблюдений в различных садовых товариществах Ленинградской области, на общих собраниях садоводов и в Доме садоводов в Санкт-Петербурге.

Для реконструкции историко-культурного контекста моих разговоров с садоводами я обращалась к архивным документам, законодательным актам, специализированной и художественной литературе, а также к художественным фильмам, телепередачам и сериалам, точно – к материалам социальных сетей в Интернете. Чтобы восстановить вехи истории ленинградского любительского садоводства, я изучила архивные протоколы заседаний Ленинградского горисполкома и материалы к ним с 1956 по 1991 гг. (ЦГА СПб, фонд 7384). Кроме того, я работала с архивом месткома Главзапстроя с 1981 по 1991 гг. (ЦГА СПб, фонд 9972), чтобы проследить становление отдельного садового товарищества в 1980-е гг. (время, когда получали участки многие мои информанты) и соотнести сведения из документов с рассказами М.Г., бывшего сотрудника этого предприятия. Дополнительным источником о садоводческой повседневности советского времени стал архив обнинской газеты «Вперед» 1950-х – 1980-х гг. Ленинград – большой город, садовые товарищества ленинградцев редко попадали на страницы ленинградских газет. Зато в единственной газете Обнинска, небольшого города в Калужской области, находилось место для освещения жизни садовых товариществ горожан. Для сравнения я точно обращаюсь также к корпусу интервью с обнинскими садоводами-любителями, которые собрала в 2013-2014 гг. в рамках проекта из серии «Обнинских проектов» «Оцифрованная наука: техника, методология и этика создания гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (руководители: А.Л. Зорин, Г.А. Орлова).

Теория и методы исследования

В данном диссертационном исследовании для решения задач полевой этнографии и социальной антропологии активно заимствуются идеи и методы лингвистической философии, литературоведения, конверсационного анализа и исследований дискурса.

В основе исследования лежит тезис теории речевых актов Дж. Остина: при помощи слов люди могут совершать действия, т.е. высказывания *перформативны* (не просто

²⁴ Вклад в разработку этой системы сделали один из руководителей «Обнинского проекта» Г.А. Орлова, а также Ю. Градович, Е. Проненко и другие расшифровщики.

описывают мир, но и изменяют его)²⁵. Из этой перспективы главный вопрос диссертации можно сформулировать так: как выявить и описать перформативные высказывания в разговоре и в частности в интервью и их эффекты? Как выявить и показать их связь с культурой, к которой принадлежат говорящие?

Для описания отношений между высказыванием и его контекстом в диссертации используются элементы терминологического аппарата этнографии речи. В отличие от Остина, который работал с вымышленными примерами высказываний, этнография речи занимается эмпирическим наблюдением конкретных ситуаций речевого взаимодействия, так что термин *речевой акт* здесь помещается в контекст и понимается как минимальная единица коммуникации. Для работы с контекстом в этнографии речи существуют термины *речевая ситуация* – типичная для сообщества практика, диктующая те или иные нормы речи, и *речевое событие* – набор речевых актов, которые разворачиваются в контексте той или иной речевой ситуации²⁶.

Для осмысления ситуации интервью как речевого события используется диалогическая (полифоническая) теория М.М. Бахтина, предложенная для описания устройства литературных произведений особого типа. Автор диалогического романа не подчиняет героев своему монологическому повествованию, но дает им возможность самим проявить себя с собственных субъектных позиций: «...множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события»²⁷. Автор «не убеждает, а организует голоса, сопрягает смысловые установки»²⁸. Таких голосов в одном эпизоде может быть несколько, и тогда можно наблюдать не диалог, а многоголосье – гетероглоссию или полифонию. В интервью это означает, что интервьюер рассматривается как полноценный участник коммуникации, а не источник помех. Для выявления и описания речевых действий, совершаемых участниками интервью, применяется теоретико-методологический аппарат прагматики дискурса, в частности, теория позиционирования Р. Харре²⁹, а также элементы

²⁵ Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 166 p.

²⁶ Hymes D. *Models of the Interaction of Language and Social Life // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / eds. Gumperz J.J., Hymes D. New York: Holts Rinehart & Winston, 1972, p. 56.

²⁷ Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература, 1972, с. 7.

²⁸ Там же, 157.

²⁹ Harré R., van Langenhove L. *Introducing Positioning Theory // Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action* / eds. Harré R., van Langenhove L. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 14-31.

конверсационного анализа (conversation analysis)³⁰ и семиотической теории композиции Б.А. Успенского³¹.

Для установления связи между конкретными речевыми взаимодействиями и культурными практиками используется теория *речевых жанров* М.М. Бахтина, а также метод *насыщенного описания* К. Гирца, *этнометодологический* подход Г. Гарфинкеля и метод *критического дискурс-анализа* Н. Ферклафа (Феркло, Фэрклоу). Теория речевых жанров выявляет устойчивые типы высказываний, характерные для тех или иных сфер человеческой деятельности или социальных доменов³². Насыщенное описание (thick description) – это концептуализация этнографического метода, предложенная К. Гирцем³³, который описал занятие этнографа как постоянное добавление новых контекстуальных пояснений к описанию событий, так чтобы происходящее стало понятно внешнему наблюдателю, далекому от этой культуры. Этнометодология позволяет создать насыщенное описание коммуникативного взаимодействия, фокусируясь на фоновом знании, которое делает возможным понимание или непонимание в нем³⁴. Критический дискурс-анализ используется для реконструкции объяснительных моделей, к которым обращаются участники интервью, чтобы описать свою деятельность и обосновать решения, связанные с садовым участком³⁵.

Научная новизна исследования

В диссертационном исследовании впервые на русском материале рассматривается разговор одновременно как коммуникативное взаимодействие и как культурная практика, подлежащая этнографическому изучению. В научный оборот вводятся разговоры с дачниками на дачные темы (*дачные разговоры*), описывается их коммуникативное и культурное своеобразие. В работе впервые предлагается и применяется на эмпирическом материале методология этнографического исследования разговоров на основе полевых интервью. Опираясь на положения этнографии речи Д. Хаймса, исследование продолжает

³⁰ Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics...

³¹ Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.

³² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1997. С. 159-206.

³³ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.

³⁴ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 334 с.

³⁵ Jorgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. 229 p.

методологические разработки Ч. Бриггса и М. Мурмана и отвечает запросу на этнографические исследования полевого интервьюирования, который сформулировала М. Ковен. В отличие от М. Мурмана, я работаю с полевыми интервью и использую более разнообразную линейку методов, включая позиционный анализ, анализ внутренних диалогов, понятие коммуникативных проектов, элементы сенсорной этнографии. В отличие от Ч. Бриггса, я работаю с интервью, где исследователь и информанты являются носителями одной культуры. В отличие от существующих этнографических исследований дискурсивных практик, предлагаемая этнография разговора включает не только анализ культурных смыслов дискурсивных практик, но и описание конкретных примеров этих практик в исследовательских интервью, т.е. демонстрирует, как культурные смыслы работают в конкретных речевых событиях.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость предлагаемой работы определяется ее вкладом в этнографические исследования речевого взаимодействия и, в частности, речевого жанра исследовательского интервью, а также в дискуссии о применении теории речевых актов Дж. Остина и диалогической теории М.М. Бахтина в социальноантропологических исследованиях. Предлагается способ интеграции методов, используемых в узкой области этнографии речи или лингвистической антропологии, в широкую линейку методов этнографии и социальной антропологии. На эмпирическом материале работа делает вклад в исследования русских разговоров и, в частности, дачных разговоров как культурных практик, исследования культуры позднесоветских и российских неэлитных дач, позднесоветской и российской городской повседневности и культуры труда и досуга, а также современной памяти о перестроечном периоде и 1990-х гг. Полученные результаты могут использоваться для разработки методологии этнографических исследований, опирающихся на материалы полуструктурированных интервью или спонтанных разговоров, и прежде всего – для этнографии и антропологии современного города, а также в исследованиях позднесоветской и российской неэлитной культуры и речевых практик.

Диссертация может использоваться для подготовки курсов лекций и учебных пособий по этнографическим методам, исследовательскому интервьюированию и лингвистической антропологии, по городской этнографии и антропологии и культуре позднесоветского и российского общества. Материалы диссертации уже использовались при подготовке лекции для студентов из Финляндии, изучающих русскую культуру, (2012), для выступления на XI Байкальской международной школе социальных исследований «Рабочие языки памяти» (2018), а также для реализации коллективного

исследовательского проекта «Социальная история России (1990-е годы)» в 2017–2018 гг. (при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина») и студенческого проекта «Перестройка и 1990-е гг. в зеркале дачных разговоров» на департаменте истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге в 2018-2019 учебном году.

Положения, выносимые на защиту

1. Превращение исследовательского интервью с дачниками в разновидность *дачных разговоров* – это эпистемологическая операция, которую можно произвести при помощи диалогической теории М.М. Бахтина, этнографии речи (Д. Хаймс, Ч. Бриггс), конверсационного анализа (Х. Сакс, Ч. и М. Гудвины) и теории позиционирования (Р. Харре). Осмысление исследовательского интервью как контекстуально специфичного речевого взаимодействия, разворачивающегося в рамках культурных конвенций собеседников, позволяет применить этнографический подход как к самим исследовательским интервью, так и к материалам, полученным в ходе интервьюирования.

2. Современные русские дачные разговоры (беседы с дачниками на дачные темы) обладают специфическим формальным, содержательным и коммуникативным устройством, которое можно выявить эмпирически и описать, обратив внимание на используемые собеседниками репертуары тем, позиций, объяснительных моделей, риторик, способов взаимодействия.

3. Современные разговоры о возделывании садовых участков и дачной жизни, начавшейся в период «садоводческого бума» 1980-х — 1990-х гг., несут на себе отпечаток социальных и экономических практик переходного периода, смены социально-экономического порядка, адаптации к новым условиям рынка, а также актуального на момент беседы процесса смены поколений дачников. Осмысление дачного опыта в этих разговорах опирается на гетерогенный набор объяснительных моделей, где сочетаются наследие прежних эпох (дореволюционный гигиенистский дискурс, позднесоветский дискурс о труде-творчестве), специфические для эпохи «садоводческого бума» попытки наделить возделывание садового участка значением через сходные социальные практики, позиции и отношения (крестьянский дискурс и дискурс автономии) и новые прочтения старых идей в современных условиях (переосмысление труда на садовом участке из перспективы дискурса автономии, переосмысление всего прежнего набора ценностей, связанных с садовым участком, из конспирологической и пережиточной перспектив).

Степень достоверности и апробация результатов

Степень достоверности проведенного исследования обеспечивается использованием собранных автором полевых материалов – интервью с владельцами садовых участков в Санкт-Петербурге в 2007-2011 гг., их сопоставлением с другими

источниками: архивными документами, периодикой, художественной литературой и публицистикой, – и помещением в контекст исследовательской литературы.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах автора на следующих конференциях: «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2010, 2012), Общеуниверситетская конференция «Выставка достижений научного хозяйства» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2011, 2017, 2018), the 6th European Society for Environmental History Conference «Encounters of Sea and Land» (Турку, Финляндия, 2011), «Urban development and politics in Europe and Russia» (Санкт-Петербург, 2011), Казанские чтения по социокультурным исследованиям (Казань, 2012), «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2013), «Still Postsocialism? Cultural Memory and Social Transformations» (Казань, 2013), «Проекты модерности: конструируя “советское” в европейской перспективе» (Пермь, 2013), X Конгресс Этнографов и Антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России» (Москва, 2013), 15th Annual Aleksanteri conference «Culture and Russian society» (Хельсинки, Финляндия, 2015), Четвертые научные чтения памяти К.В. Чистова «Русский Север: утопии и мобильности» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2017), Международный научный семинар «Постаграрная деревня: экономики, стили жизни, отношения» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2018), Радловские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2019). Фрагменты диссертации и промежуточные результаты исследования обсуждались на исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2007-2009). По теме диссертации опубликовано десять статей, в том числе четыре – в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, списка литературы и четырех приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, представлена степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи, описана теоретическая, методологическая и эмпирическая база исследования, перечислены положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Разговор, интервью, диалог: речевое взаимодействие в социальной антропологии»** рассматриваются существующие способы осмысления

речевого взаимодействия в социальной антропологии и предлагается теоретическая рамка и методологический инструментарий, необходимые, чтобы анализировать исследовательское интервью как разговор. В **разделе 1.1. «Антропологическое изучение разговора»** дается обзор исследований разговора в антропологии с 1960-х гг., от общей программы этнографии речи Д. Хаймса, исследований ритуализованной коммуникации Г. Урбана и Дж. Шерцера (направление, в котором работала и Н. Рис, изучая русские разговоры) и антропологических адаптаций конверсационного анализа (М. и Ч. Гудвины, Дж. Сиднелл, М. Мурман) до поворота к интерактивности в исследованиях нарратива (Э. Окс, Л. Кэпс, А. Георгакопулу, А. де Фина), который осуществляется на стыке антропологии, психологии и исследований дискурса.

Раздел 1.2. «Интервью – метод и разговор» посвящен дискуссиям об интервью в антропологической литературе, которые разворачиваются по двум линиям: изучение особенностей интервью как речевого события и речевого жанра, прежде всего, в русле этнографии речи (Ч. Бриггс, М. Ковен, С. Перрино) и возможности расширения за счет интервью включенного наблюдения в урбанизированном поле (Дж. Хоки, М. Форси, С. Пинк, Дж. Скиннер). Даже при наличии в антропологии развитого терминологического аппарата и инструментария для работы с естественно протекающей речью и с интервью, по-прежнему актуальна разработка метода, который бы объединял внимание к микромеханике коммуникативного взаимодействия, интерес к производимым в разговоре смыслам и к более широким социальным и культурным процессам, которые разворачиваются в коммуникации. Методологическим поискам посвящен **раздел 1.3. «Диалог»**, где предлагается концептуализация разговора и, в частности, исследовательского интервью как диалога (М.М. Бахтин). Несмотря на большой интерес к понятию диалога Бахтина в американской антропологии (постмодернистской этнографии) 1980-х, разговор для этой традиции остался лишь фигурой для описания полевой работы этнографа, а потенциал бахтинской полифонии для изучения разговора в поле как культурно обусловленной ситуации взаимодействия не был реализован. Рассматривать исследовательское интервью как диалог – значит видеть в нем полифоническое речевое событие, где участвуют равноправные носители позиций, которые соплагаются, сталкиваются, пересматриваются и меняются в ходе разговора. В разделе также обосновывается возможность адаптировать для работы с исследовательским интервью ряд аналитических моделей и методов, разработанных для анализа разговора в этнографии речи (Д. Хаймс, Ч. Бриггс), конверсационном анализе (Х. Сакс, М. и Ч. Гудвины, Х. Котофф), прагматике дискурса (Р. Харре).

Во второй главе **«Рождение объекта дачных разговоров: история садоводческих товариществ»** излагается история становления садоводческих товариществ – массовой разновидности дачи, появившейся в советское время. В разделе **2.1. «История садоводческих товариществ с 1949 г. по настоящее время»** представлены этапы исторического пути садоводческих товариществ, которые возникли как форма организации коллективного садоводства горожан, после того как в 1949 г. городским предприятиям стали раздавать участки для рабочих и служащих с целью решения продовольственных проблем послевоенных советских городов. Постановление СМ СССР от 14.09.1977 № 843 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» положило начало эпохе «садоводческого бума» – массовых раздач садовых участков советским горожанам, – которая продолжалась до 1990-х гг. В 1982 г. коллективное садоводство горожан стало частью «Продовольственной программы СССР», т.е. была признана государственная важность этого занятия. В 1990-е садоводческие товарищества потеряли связь с предприятиями, при которых были организованы, и стали самостоятельными некоммерческими организациями, превратившись таким образом в своего рода «школы демократического самоуправления» для своих членов.

В разделе **2.2. «Культура садовых товариществ эпохи «садоводческого бума» 1980-х – 1990-х гг.»** детально рассматривается историко-культурная специфика садоводств, организованных в конце 1970-х – начале 1990-х гг. На примере одной ленинградской организации («Главзапстрой») с привлечением материалов интервью и архивных документов дается описание процесса организации садоводческого товарищества в этот период и характеризуются социально-экономические условия, которые сформировали особое отношение к садовому участку и его освоению, специфическую организацию труда и материальность. Главные характеристики этого периода: 1) взрывной рост количества садоводов и, соответственно, нагрузки на ослабленную инфраструктуру экономики дефицита³⁶; 2) идеологическая реабилитация индивидуального земледелия: в перестроечные 1980-е гг. садовые участки наряду с крестьянскими хозяйствами рассматривались как площадка для возрождения «хозяина на земле», став на короткое время лабораторией для очередного проекта «нового человека».

³⁶ Если к 1982 г. всего в Ленинградской области было 560 СТ и 85,6 тыс. садоводов, то в 1984 г. Исполком рапортует уже о 747 СТ и 132 тыс. участков (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 55. Д. 178. Л. 5; Там же. Оп. 56. Д. 186. Л. 38). В 1988 г. Ленгорисполком принимает решение о распределении земель между предприятиями города для создания в Ленинградской области ещё нескольких сотен новых садоводческих товариществ (Там же. Оп. 59. Д. 253. Л. 3–88).

Эти два фактора определили особенности мировоззрения садоводов этого призыва и их позднейших рассказов об освоении участков в период «садоводческого бума». Несмотря на то, что освоить садовый участок в это время было чрезвычайно сложно, миллионы советских и позднее – российских горожан в 1980-е и 1990-е гг. стремились поскорее завести хозяйство на шести (или даже трех или четырех) сотках. В середине 2000-х, в другую эпоху, те, кому это удалось, вспоминают о том времени и своих усилиях со смесью гордости первопроходцев и горечи тех, кому пришлось вложить огромные усилия, чтобы вырастить сад на бесплодных землях, доставшихся от государства.

В третьей главе «Порядок дискурса садоводства горожан» продолжается реконструкция историко-культурного контекста дачных разговоров, в частности, выявляются ресурсы, к которым обращаются участники современных дачных разговоров для объяснения своих занятий на участке. В разделе 3.1. «Теория и источники» коротко поясняется использованный в главе метод критического анализа дискурса (КДА) Н. Ферклафа (N. Fairclough), который позволяет реконструировать порядок дискурса – систему культурных ресурсов (дискурсов и жанров), доступных участникам коммуникации. Описывается корпус использованных источников, среди которых архивные документы, законодательные акты, периодика, специализированная и художественная литература, материалы СМИ. Следующие четыре раздела главы посвящены объяснительным моделям, которые используют дачники для наделения смыслом своей деятельности на садовых участках. **Раздел 3.2. «Дача на садовом участке: дореволюционные дискурсы»** рассказывает о *гигиенистском дискурсе*, унаследованном от дореволюционной дачи, который основан на идее о пользе отдыха на свежем воздухе для здоровья и теперь используется для объяснения необходимости не только дачи, но и любого другого вида загородного отдыха. В разделе 3.3. «Любительское садоводство горожан: труд как творчество» собраны следы позднесоветского дискурса, осмысляющего труд как творчество и способ личного развития, который до сих пор используют некоторые садоводы, чтобы описать и интерпретировать свой опыт садоводства и строительства на участке. Среди категорий-индикаторов этого дискурса – «интересно», «эксперимент». Его субъект – домашний изобретатель и мастер на все руки.

Раздел 3.4. «Хозяйство на шести сотках» посвящен комплексу объяснительных моделей, связанных с идеей хозяйствования на садовом участке. И *дискурс автономии*, и *крестьянский дискурс* наделяют ценностью независимость, которую дает участок земли, но предлагают разные интерпретации того, что значит «быть хозяином на земле». Согласно крестьянской риторике, связь хозяина с землей формирует возделывание земли,

отсюда «императив хозяйствования», власть которого явственно чувствуется в беседах с садоводами. Дискурс автономии ценит возможность самостоятельного выживания на участке. Для обоих дискурсов характерны категории «свое» и «хозяин». Перестроечный дискурсивный порядок создал гибрид крестьянского дискурса и дискурса автономии: в литературе того периода садовые участки, как и другие формы индивидуального земледелия, рассматривались как лаборатория для воспитания трудолюбивого и независимого хозяина на земле, в то время как люди видели в них прежде всего ресурс самообеспечения и независимости от все менее состоятельного государства. Дискурс автономии сохраняет актуальность в связи с садовыми участками, и это автономия не только от государства, но и от других «больших» систем, таких как глобальная пищевая индустрия и рынок. Крестьянский дискурс и позднесоветский дискурс о труде-творчестве - это два лика советской культуры труда: «трудоголизм», т.е. изнурительный труд без определенной цели и смысла, совершаемый под общественным давлением, и позитивный образ труда как творчества, который сам по себе доставляет радость и удовлетворение. В садоводствах оба эти дискурса до сих пор реализуются в жанрах экскурсии по участку и обсуждения участков соседей, в которых воспроизводится садоводческое сообщество и его ценности. Противоречивые трудовые ценности садоводов стали мишенью для шуток в массовой культуре 1990-х гг. В **разделе 3.5. «Переосмысление дискурсов о садовом участке»** рассматриваются гибридные дискурсивные образования, которые возникают и в частных разговорах, и в публичном поле в результате переосмысления ценностей перечисленных дискурсов. Сопrotивляясь императиву труда на садовом участке, мои информанты переосмысливают крестьянское понятие хозяина в духе дискурса автономии и создают гибридный дискурс, в котором хозяин – это тот, кто сам распоряжается своим временем и усилиями, а значит, может не возделывать свой участок. За счет введения новых субъектных позиций и смысловых модификаторов прежние ценности, связанные с садовыми участками, могут осмысляться или, ретроспективно, как обман, приманка государства для граждан, или как пережитки советского режима.

В **четвертой главе «Устройство дачного разговора»** на конкретных эмпирических примерах рассматривается коммуникативное устройство дачных разговоров, выявляется связь конкретных эпизодов коммуникации и широких историко-культурных контекстов. В **разделе 4.1. «Речевые жанры дачных разговоров»** приводится реестр речевых жанров дачных разговоров, которые встречаются в базовых интервью из рассматриваемого корпуса. Жанры дачного разговора проникали в интервью двумя путями: 1) через инсценировки ситуаций разговора из прошлого; 2) когда собеседники переставали выполнять жанровые конвенции интервью и переключались на

какой-либо жанр дачного разговора. Приведенная классификация речевых жанров дачных разговоров представляет собой реестр социальных условий, в которых актуализируется садоводческая тематика, и повседневных практик, которые составляют предмет этих бесед. Дачные разговоры возникают, прежде всего, в ближайшем кругу человека: семья, друзья, коллеги, соседи. Они сосредоточены на уходе за садом, строительстве и ремонте домика, планировании участка и дома, распределении собственных усилий и распределении задач в семье, социализации в садоводческом сообществе через обмен опытом и демонстрацию достижений, выстраивании отношений с соседями, чувственном и интеллектуальном наслаждении природой, самоуправлении в садоводческом товариществе. Из ограниченности эмпирической базы реестр носит предварительный характер.

В разделе 4.2. «Разговор как лаборатория» разговор рассматривается как лаборатория, где собеседники выдвигают, пробуют, оттачивают свои взгляды, позиции, коммуникативные проекты³⁷ и стратегии, отрабатывают различные способы передачи опыта, в том числе, сенсорного. Идеи участников о самих себе, своем прошлом, своих собеседниках и о мире в целом не остаются стабильными в течение разговора. В разговоре можно наблюдать, как собеседники нащупывают границы познаний друг друга, динамически сонастраивая позиции, корректируют или отстаивают определенный коммуникативный проект. В результате беседа дрейфует между жанровыми конвенциями исследовательского интервью, разговора садоводов-любителей, дружеской болтовни за праздничным столом, сессии воспоминаний земляков и т.д. От конфигурации позиций зависит, кто, о чем, как и насколько подробно будет говорить. Для передачи сложных многомерных значений люди манипулируют композиционными приемами, создают сложную оркестровку голосов во внутренних диалогах, расщепляя, делегируя или совмещая точки зрения. Так, с помощью иронического расщепления точек зрения Ю.А. инсценировал конфликт позднесоветского дискурса о труде-творчестве и современных представлений о качестве и профессионализме: он смог одновременно и похвалиться своей идеей обшить домик деталями мебели, и показать, что понимает ее анахронистический характер для начала 2000-х гг. В этом же интервью Ю.А. сравнивает процедуру получения участка в советское время, которую считает очень простой, и сложный и дорогой процесс его приватизации – перевода в единицу капиталистического земельного рынка, но при этом делает выразительную паузу, ожидая реакции от

³⁷ Goodwin C., Goodwin M.H. Concurrent Operations on Talk. Notes on the Interactive Organization of Assessments // IPRA Papers in Pragmatics. 1987. Vol. 1. № 1. P. 1–54.

интервьюера – человека более молодого и, возможно, более информированного. Эти диалоги – одновременно и эпизоды идущей адаптации пожилого советского инженера к новому миру.

Моя собеседница Т.А. делегирует наивные ожидания от государственной политики раздачи садовых участков своей знакомой и таким образом одновременно и усиливает свой критический пафос за счет демонстрации разрыва ожиданий и реальности, и сохраняет собственный образ независимой умудренной жизнью женщины, хозяйки на своем участке. Ю.А., последовательно отстаивая свой коммуникативный проект в нашем разговоре, тоже создает образ себя – всеильного хозяина на участке и единоличного строителя своего домика, несмотря на все усилия интервьюера выяснить, кто же помогал ему строить. Устойчивое представление себя как сильного независимого хозяина характерно для моих информантов в рассматриваемом корпусе интервью и отсылает к крестьянскому дискурсу или дискурсу автономии. Так говорят о себе, прежде всего, те, кто осваивал свои участки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это люди, которые брали участки в период идеологической реабилитации образа хозяина на своей земле и, более того, с честью выдержали жесткую игру на выживание – освоение садовых участков в сложное время тотального дефицита. Когда в интервью возникают образы тех, кто не справился, – это безвестные соседи, от которых остались лишь полуразвалившиеся остовы недостроенных домов. В рассказах же тех, кто выстоял, садовый участок теперь оказывается полигоном для разворачивания проектов личной независимости (у одиноких садоводов) или семейной гармонии (у супружеских пар).

Раздел 4.3. «От интервью к культуре через “насыщенное описание”» посвящен связям конкретных эпизодов коммуникации в дачных интервью с широким историко-культурным контекстом, которые проводятся при помощи этнографического метода «насыщенного описания» (К. Гирц). Так, в интервью разворачивались характерные для семей садоводов поколенческие конфликты. Две собеседницы, мать и дочь, в разговоре с исследователем затушевывали конфликтное взаимодействие: в их полифонических репликах совместились диалог матери и дочери о том, сколько внимания следует уделять даче, и ответы на вопрос интервьюера о смене поколений в их садоводстве в целом. В другом случае интервьюер сам спровоцировал локальный поколенческий конфликт, когда, неосторожно сформулировал вопрос к собеседнику старшего поколения из перспективы собственного дачного опыта. В результате оказалось, что интерпретация дачного опыта как истории адаптации горожанина к бытовым сложностям, которая казалась очевидной интервьюеру, не релевантна для петербуржцев 1930-х – 1950-х гг. рождения. О конфликте «отцов» и «детей» по поводу дачи в России знают все: пожилые родители считают

необходимым много времени проводить на участке и обрабатывать землю и обижаются, что взрослые дети отказываются им помогать и предпочитают остаться в городе или съездить за границу. Это связано и с историей российского городского быта (дети привыкли к более высокому уровню бытового комфорта, чем их родители), и со сменой ценностей (дети не разделяют ценности родителей, прошедших социализацию в другой – советской – культуре). Слышать в интервью жалобы родителей и детей друг на друга или общие рассуждения о смене поколений – это работать с описанием чужого опыта. Наблюдать этот конфликт непосредственно в действии – это быть свидетелем и участником, переживать опыт конфликта садоводческих поколений, фактически, реализовать принцип включенного наблюдения прямо во время интервью.

В Заключении подводятся основные итоги исследования. Российская дачная культура – это случай современного урбанизированного мультилокального поля, где метод интервью вынужденно преобладает над этнографическим включенным наблюдением. Чтобы исследовать своеобразие современных дачных разговоров как коммуникативных и культурных практик и проследить связь между конкретным обменом репликами и общекультурными явлениями и процессами, необходима эпистемологическая операция пересмотра исследовательского интервью – его превращение из статического текста в динамическое речевое событие, разговор или, в данном случае, дачный разговор.

Применение аналитических моделей и методов этнографии речи, конверсационного анализа, прагматики дискурса и диалогической теории М.М. Бахтина к эмпирическим примерам из корпуса интервью с дачниками показало, что современные русские дачные разговоры обладают специфическим формальным, содержательным и коммуникативным устройством, которое можно выявить эмпирически, если обратить внимание на используемые собеседниками репертуары тем, позиций, объяснительных моделей, риторик, способов взаимодействия. Наблюдая за речевыми действиями собеседников, можно увидеть, как в дачных разговорах утверждаются важные для участников смыслы и идентичности, продолжаются характерные конфликты и процессы осмысления и адаптации к меняющимся условиям. Свообразие дачных разговоров создается, прежде всего, спецификой перечисленных коммуникативных задач и репертуара дискурсов, к которым обращаются собеседники и которые определяют уникальные сочетания универсальных речевых приемов.

Рассматриваемые разговоры о дачной жизни, начавшейся в период «садоводческого бума» 1980-х – 1990-х гг., несут на себе отпечаток своего историко-культурного контекста, а также актуальной для собеседников ситуации середины 2000-х

гг., когда советское время, и переходное десятилетие 1990-х гг. уже виделись на исторической дистанции. Осмысление дачного опыта в этих разговорах опирается на гетерогенный набор объяснительных моделей (дискурсов), а сами разговоры представляют собой не только воспоминания о прошлом, но и диалогический комментарий к настоящему.

В разных главах диссертации реализованы разные подходы и разные масштабы в работе с интервью: интервью выступают то как источники сведений об историческом периоде (Глава 2), то как площадка реализации того или иного дискурса (Глава 3). И только в четвертой главе используется предлагаемая автором сборка инструментов, которая обеспечивает оптику максимального приближения и наибольшую чувствительность к локальным контекстам высказываний и диалогической составляющей интервью. Содержание второй и третьей главы насыщает контекстуальными деталями крупномасштабный анализ разговоров в четвертой главе, помогает проследить связь между конкретными взаимодействиями и большими историко-культурными процессами. Обращаясь к разным методам и масштабам анализа интервью для выполнения разных исследовательских задач, автор признает значимость каждого из них.

Диссертационное исследование получилось двунаправленным: оно делает вклад одновременно в изучение и устного речевого взаимодействия, и российских дач. Такая двойная фокусировка представляется необходимой, чтобы выполнить поставленные задачи и обосновать возможность микроэтнографии интервью и показать связи конкретных речевых практик дачников и советского и постсоветского культурно-исторического контекста. Следующий шаг – это переход от метода работы к эмпирическим вопросам, которые позволяют изучать собранный материал, таким как: роль любительского садоводства в субъективации советского горожанина и ее постсоветские трансформации, смена поколений в садоводствах, основанных в советское время, современная память о перестроечной эпохе и 1990-х, сравнение женских и мужских тактик освоения садового участка, судьба советской культуры труда в постсоветскую эпоху, и т.д. Более того, сформулированный в этой работе подход к материалу интервью позволяет задавать вопросы особого типа – вопросы к речевым практикам и их связи с культурными конвенциями, например, об отношениях между конфигурациями позиций, речевыми жанрами и темой разговора или о дискурсивном конструировании разных дачных занятий (строительства и работы в саду) или эмоций, связанных с дачей, в разговоре с разными собеседниками. Если обратить внимание на то, как о своих участках рассказывают мужчины и женщины, семейные пары и одинокие садоводы, можно увидеть разнообразие дискурсивных конструкций гендера и родства, характерных для времени и

поколения. Подход, внимательный к речевым действиям, ситуациям разговора и их связям с общекультурным контекстом, открывает возможности более тонкой, нюансированной, чувствительной к речи собеседников аналитической работы с интервью.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

В рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ:

1. Касаткина А.К. Дачная жизнь и «политическая война». К постановке проблемы власти в современных садоводческих некоммерческих товариществах // Антропологический форум. 2012. № 17 on-line. С. 129-153.
2. Касаткина А.К. Melissa Caldwell. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2011. 200 p. [Рецензия на книгу] // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 453-460.
3. Касаткина А.К. Загородный дом (дача) – пространство модерного субъекта // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 186–193
4. Касаткина А.К. Частная собственность и коллективное товарищество. Режимы собственности и социальные отношения в СНТ Ленинградской области 2000-х // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 5. С. 163-178.

В других изданиях:

1. Kasatkina A.K. *Dacha Life and 'Political Warfare': The Problems of Self-Organisation in Contemporary Russian Garden Cooperatives* // *Forum for Anthropology and Culture*. 2013. № 9. P. 98-123.
2. Kasatkina A.K. Melissa Caldwell. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2011. 200 p. [Book Review] // *Forum for Anthropology and Culture*. 2013. № 9. P. 285-292.
3. Kasatkina A. *Allotment Associations in Search of a New Meaning* // “Matters of (Dis)order”: *Public Debate in Russia* / eds. Vakhtin N., Firsov B. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 206-223.
4. Касаткина А.К. Музыка со смыслом: интонация и динамика позиций в устной речи // *Практики и интерпретации*. 2017. Т. 2. № 4. С. 83-93.
5. Касаткина А.К. Садоводческие товарищества в поисках нового смысла: анализ дискурса общих собраний СНТ // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / ред. Н.В. Вахтин, Б.М. Фирсов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 253-274.
6. Касаткина А.К. Садовый домик и его строитель в разговорах с садоводами начала XXI в. // *Experto crede Alberto: сборник статей к 70-летию Альберта Кашфуллоевича*

Байбурина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 195-215.

Опубликованные тезисы докладов:

1. Касаткина А.К. Как садовый участок превратился в дачу // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: матер. науч. конф. студентов и аспирантов (15–16 апреля 2010 г., Санкт-Петербург). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 57-62.

2. Касаткина А.К. Категория «советское» в современных садоводческих товариществах // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: матер. науч. конф. студентов и аспирантов (20–21 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 72-77.

3. Касаткина А.К. Горожане в сельской среде: адаптация и жизнеобеспечение на даче // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол. М.Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 133.